

Супрунова Елена Петровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток

elena.suprunova@mail.ru

**Опыт изучения особенностей социально-экономического развития
российского Дальнего Востока в условиях модернизации (1900 – февраль 1917гг.)
в процессе преподавания элективного курса «История Дальнего Востока России»**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социально-экономического развития российского Дальнего Востока в начале XX в. В условиях формирования в современной России новых общественных отношений российское государство пристальное внимание обращает на самый удаленный от центра регион страны. Изучение поставленного вопроса в рамках элективного курса представляется весьма актуальным. В процессе преподавания предоставляется возможность оказать влияние на формирование корректных научных взглядов на исторический процесс.

Ключевые слова: начало XX века, российский Дальний Восток, социально-экономическое развитие, модернизация, противоречия, революция, элективный курс.

Вопросы, связанные с освоением и укреплением дальневосточных рубежей нашей страны, закономерно привлекают к себе внимание научной общественности. В современной России в условиях становления новых общественных отношений особый интерес вызывают процессы, происходившие в нашей стране в начале XX века. Последние годы Дальний Восток России находится в окружении стремительно модернизирующихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), как это происходило и столетие назад. Возрастающая конкуренция вызывает необходимость не только поднять на более высокий уровень инфраструктуру, но и, главное, улучшить качество жизни населения в наиболее удаленном от центра регионе. Одним из направлений в решении поставленной государством задачи стало создание Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). В рамках федеральной программы курса отечественной истории студентам предлагается курс по выбору «История Дальнего Востока России». В соответствии с ним кафедра отечественной истории и архивоведения ДВФУ работает над учебным пособием с одноименным названием. За последние годы учеными региона накоплен богатый научный материал, требующий дальнейшей разработки, освоения и внедрения в учебный процесс. Некоторые аспекты этих исследований нашли свое воплощение в предлагаемой статье.

К началу XX в. в России завершилось формирование территории общей площадью 22,2 млн. кв. км. Население страны к 1913 г. Составляло около 160 млн. человек 150 национальностей. Российская держава имела имперский характер – гигантская территория, многочисленный полиэтнический, поликонфессиональный состав населения, разделенного по сословным основаниям; православная церковь играла роль государственной религии (ислам, католичество, протестантизм, буддизм, иудаизм, занимали локальное подчиненное положение). Во главе государства стоял император-самодержец, опиравшийся на высшее сословие – дворянство и другие привилегированные группы населения – духовенство, казачество, которые, однако, не имели институциональных средств контроля верховной власти.

Однако наряду с архаичными признаками в экономической и общественно-политической жизни в стране появились и новые черты. Окончательно сложилась

система капитализма в его высшей стадии – империализма. Осуществлялась модернизация, которая, однако, имела так называемый «догоняющий», мобилизационный характер. Во-первых, страна перешла к капитализму позднее многих стран Европы и США. Во-вторых, развитие задерживали тяжелые природно-климатические условия и обширная территория, на обустройство страны требовалось больше усилий и средств, чем в европейских странах. В-третьих, буржуазные реформы второй половины XIX в. имели половинчатый характер. Наконец, развитие тормозила глубокая дифференциация российского общества по цивилизационным, культурным, этническим основаниям, а также различия в уровнях развития и качестве жизни многочисленных народов российской империи.

К особенностям и одновременно противоречиям развития России на рубеже XIX–XX веков следует также отнести: высокие темпы и уровень развития промышленности и финансово-банковской системы и отсталую аграрную сферу; многоукладный характер экономики; высокий уровень концентрации промышленного развития и неравномерность в освоении и уровне развития различных территорий страны (в первую очередь Дальнего Востока); активное вмешательство государства в экономику и высокую степень зависимости предпринимательского класса от чиновничьего аппарата. Вместо вывоза капиталов за рубеж (один из важных признаков империализма) предприниматели и государство осваивали окраины российской империи (Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию). В то же время Россия была привлекательной для иностранного капитала за счет дешевизны рабочей силы (низкий уровень качества жизни рабочих классов в стране) и огромных запасов сырьевых ресурсов. (В целом же иностранный капитал оказывал благотворное влияние на экономику, являясь, по выражению премьер-министра С. Ю. Витте, «лекарством от бедности».)

В начале века изменился характер отношений в социальной сфере. Размывалась сословная структура общества, уменьшалось значение социальных групп, укорененных в аграрной сфере (помещиков и крестьян). Ускорялся процесс классового разложения, характерный для капиталистического общества. Ведущие позиции в общественной жизни постепенно занимали буржуазия и пролетариат. Капиталисты все более настойчиво претендовали на политическую власть. Формировал свои экономические и политические требования рабочий класс. Опора самодержавия – аристократия, дворянство, теряли свои позиции в общественно-политической жизни. Между обществом и властью, таким образом, возрастало напряжение.

В условиях модернизации возрастала роль интеллигенции (научной, научно-технической, художественной, обслуживающей важные потребности общества в области юриспруденции, медицины, образования и т. п.). Однако самостоятельной роли в общественно-политической жизни она не играла, а выражала, главным образом, интересы отдельных социальных групп, движений и – после 1905 г. – политических партий, как правило, оппозиционно настроенных к правительству. (За исключением, пожалуй, оппозиционного движения студенческой молодежи, крепко спаянной и имеющей свои корпоративные интересы в рамках общих процессов демократизации.)

Многонациональный состав империи, а точнее, неравноправное положение народов (негативная роль политики русификации, религиозных ограничений) также способствовали обострению противоречий.

Хозяйственно-территориальная дифференциация, существенные диспропорции в развитии страны являлись основанием не только для разбалансировки социально-экономического организма, но и для вызревания социальных протестов. На

национальных и территориальных окраинах формировались собственные социально-экономические элиты, претендовавшие на роль политического авангарда. В то же время хищническая эксплуатация окраин, бедность, бесправие населения вызывали крайнее недовольство, приводившее, с одной стороны, к эмиграции, с другой, к подъему национального движения и в целом – к росту революционных настроений.

К началу XX в. Россия находилась в окружении стремительно развивавшихся стран и цивилизаций – Европы, США и Японии. Условия конкуренции на международной арене становились более жесткими, а возможности России были ограничены. Российское самодержавие слабо осознавало эти обстоятельства. Результатом стало трагическое для страны поражение в русско-японской войне, ускорившее первый революционный взрыв. Под давлением широкого общественно-политического движения российское самодержавие было вынуждено отказаться от абсолютной власти: разворачивают активную деятельность политические партии, возникает первая в истории России Государственная дума, формируется гражданское общество. Реформы П. А. Столыпина дают новый мощный импульс модернизации, способствуют освобождению страны от феодальных пережитков.

В начале века Россия превратилась в среднеразвитую капиталистическую страну. Однако, с одной стороны, государство пыталось не замечать, нивелировать разногласия, контролируя общественную жизнь. С другой, в условиях форсированного развития капитализма, «наложения эпох» происходила жесткая поляризация социальных сил, непримиримых по отношению друг к другу и государству в целом. Противоречия в развитии страны, создавая благоприятные перспективы, были чреваты глубокими социально-политическими потрясениями, которые были ускорены Первой мировой войной.

Социально-экономической, общественно-политической ситуации в начале века на Дальнем Востоке России были присущи как общие для всей страны черты, так и отличительные особенности. Ускоренное развитие капитализма в его империалистической стадии существенно изменило социально-политическую структуру населения, оказав существенное влияние на регион.

Ведущая роль в формировании населения принадлежала механическому приросту за счет различных миграционных потоков: крестьян, военных, предпринимателей, ремесленников, ссыльных, мигрантов из-за рубежа и т. п.

Социальные процессы активизировались благодаря вводу в эксплуатацию участков Транссиба (Уссурийской железной дороги, Китайско-Восточной железной дороги), что привлекало русский и иностранный капитал, рабочие руки к разработке недр Сибири и Дальнего Востока и обеспечивало сибирской пшенице выход на внешний рынок. Строительство дороги имело и политическое значение. Создавались возможности миграции недовольного крестьянского населения из европейской части в восточные районы страны, что способствовало укреплению самодержавно-помещичьего строя, как и планировал П. А. Столыпин. Дорога учитывала и внешне-политические стратегические интересы России, позволяя защищать дальневосточные владения от возможной агрессии.

В целом на Дальнем Востоке численность наемных рабочих с 1897 г. до начала Первой мировой войны увеличилась в три раза (в целом по стране – в 1,5 раза). То есть темпы роста рабочего класса на Дальнем Востоке были выше общероссийских в 2 раза [1]. Общая численность рабочих в регионе (1913–14 гг.) (из почти 2 млн. чел. населения) составляла 246 тыс. чел.; в том числе: 111,9 тыс. чел. – в промышленности; 69,9 –

на транспорте; в сельском хозяйстве – 30 тыс. чел.; в торговле, на почте и телеграфе – 10,2 тыс. чел. В силу аграрно-сырьевой направленности экономики региона квалифицированным трудом было занято менее трети рабочих. Производство характеризовалось низкой технической оснащенностью, сезонностью труда (золотодобыча, лесная отрасль, рыболовство и т. п.), текучестью кадров, нестабильностью рабочих коллективов. Как следствие – низкий уровень консолидации и классового сознания [2].

Несмотря на ускоренный рост численности наемных рабочих на Дальнем Востоке, формирование собственно пролетариата, представленного фабрично-заводскими рабочими, шло медленнее, чем росла армия наемного труда в целом. Около половины рабочих Приморской области (около 50 тыс. чел.) сосредоточивалось в южном Приморье (включая г. Владивосток). В Амурской области – 50,6 тыс. чел.; в Забайкальской – около 40 тыс. чел., главным образом – на транспорте [3].

Особое положение в демографическом, общественно-политическом отношении занимал остров Сахалин. До русско-японской войны его территория использовалась как место ссылки и каторги. По условиям Портсмутского мира южная часть острова отошла к Японии. Северная (русская) часть с 1908 г. была объявлена свободной для заселения. Однако чрезвычайная отдаленность региона от центра, слухи об ужасах каторги отпугивали население, и правительство предложило льготы для переселенцев – большое денежное пособие (400 руб.), освобождение от воинской повинности на три года, проезд морем за половинную стоимость и продовольственный паек на первое время. В результате административных мер численность населения (вместе с народами Севера) к 1917 г. возросла до 15 тыс. человек (в 1905 г. – 7 500 чел.)

Вместе с тем, остров, как и весь Дальний Восток, рассматривался в роли сырьевого придатка. Главные богатства давали месторождения угля, нефти, цинка, золота, а также лесоразработки и рыбная ловля. Соответственно классовый и профессиональный состав населения в своей основе – рабочие и технические специалисты. Российские и иностранные владельцы месторождений и фирм – «Братья Нобель», «Немецко-китайская компания», «Английская компания», «Сахалинская компания», фирмы Бриннеров, как правило, постоянно не проживали на острове. Условия труда и жизни рабочих были тяжелыми. Несоблюдение техники безопасности, произвол мастеров, штрафы, скученность и антисанитария в бараках, в результате – увечья, гибель, высокий уровень заболеваемости. Протесты русских рабочих вели к росту вербовки иностранцев – менее требовательных китайцев и японцев. С целью развития сельского хозяйства на острове в 1913 г. «высочайшим повелением» все бывшие ссыльнопоселенцы получили права русского крестьянства, которые помимо сельского хозяйства занимались и промыслами. В целом население острова отличалось большей, чем на материке, текучестью рабочей силы, неоднородностью национального и классового состава, отсутствием общественно-политической консолидации и организованности [4].

Важным фактором, влиявшим на промышленное освоение российских окраин, было отходничество – приток рабочих из европейской России. Первые десятилетия XX в. были периодом наиболее активного притока рабочих. В годы русско-японской войны и первой русской революции приток рабочей силы добровольного характера ослабел, но увеличилось контрактование рабочих, особенно на казенных предприятиях. Самые высокие темпы рабочее отходничество принимает в межреволюционный период (1908–1917 гг.). Активизации процесса способствовали и разорение крестьянства, уходившего на заработки в город, и высокая безработица в центре стра-

ны, и протекционистская политика правительства, предпринявшего ряд мер для стимулирования притока рабочей силы на Дальний Восток. В 1910 г. был принят закон, запретивший использование «желтого труда» на казенных предприятиях, русским рабочим были предоставлены различные льготы, в том числе возможность бесплатного проезда на Дальний Восток.

Однако отходники на 80% состояли из крестьян, поэтому уровень квалификации рабочих был довольно низким (по данным 1913 г. квалифицированные рабочие составляли 1%). К тому же только 30% семей оставались на постоянное место жительства. Тем не менее, массовая миграция рабочих-отходников имела существенное значение для Дальнего Востока, способствуя промышленно-транспортному освоению региона, включению его в общенародный хозяйственный комплекс, подъему промышленной и общей культуры населения, оказывая влияние на демографическую ситуацию в регионе, так как население ежегодно пополнялось сотнями тысяч новых жителей. Определенную роль играли иностранные отходники: европейцы, американцы, японцы, корейцы, нанимавшиеся на сезонную работу. Но ряды пролетариата они не пополняли, так как большинство из них, выполнив условия договора, отбывало на родину [5].

Расширение рынка, связанного со строительством железной дороги, крепостных и торговых сооружений во Владивостоке, вызвало приток капиталов, рост предпринимательства, ускорив тем самым процесс формирования промышленной буржуазии, которая, как правило, в своей деятельности сочетала предпринимательство с торговлей. Предприниматели вкладывали свои капиталы и в обрабатывающую промышленность, и в торговлю, и в горнопромышленные заведения (преимущественно в золотодобывающие прииски). Так, в 1910 г. среди предприятий Амурской области торговых было 91,7%, Приморской – 94,3%. Соответственно на их долю приходилась большая доля прибыли [6]. В период империализма процесс отделения предпринимательского капитала от торгового не завершился. Напротив, наблюдалось преобладание торгового капитала над промышленным, что составляло особенность и дальневосточного, и общероссийского развития капитализма и тормозило в определенной степени развитие экономики в целом (делая Россию, по известному выражению В. И. Ленина, страной «среднеслабой»).

Вместе с тем, столыпинские экономические реформы стимулировали развитие промышленности, транспорта, как сухопутного, так и морского. Особенное значение приобрел г. Владивосток, вошедший в число пяти крупнейших морских портов России. Его грузооборот в 1907–1913 гг. увеличился в 3,4 раза. В предвоенные годы наблюдался рост объема производства, прежде всего в добывающих отраслях (за 1906–1913 гг. – на 235%), и численности рабочих. Усилились техническая оснащенность и энерговооруженность предприятий, следствием чего стало повышение квалификации собственно рабочих и специалистов технического профиля. В 1913 г. удельный вес промышленной продукции в валовой продукции народного хозяйства Дальнего Востока составлял 46%, в то время как в России – только 38%. Все это вместе свидетельствовало об интенсивном втягивании российского Дальнего Востока в процесс модернизации, захватившей и организационную сферу производства в форме, например, акционерного учредительства.

Первая мировая война, с одной стороны, придала импульс развитию Дальнего Востока, с другой, прервала естественный эволюционный ход развития общества. В этот период возросло торгово-транспортное значение региона в целом и в развитии

внешнеэкономических связей. Например, грузооборот Владивостокского торгового порта с 1914 по 1916 г. увеличился в 2 раза. Но мощности порта не соответствовали потребностям нараставшего грузопотока. К февралю 1917 г. в порту скопилось несколько десятков миллионов пудов грузов, усложняя функционирование портового хозяйства. Увеличился грузооборот Уссурийской железной дороги – на 54%, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) – на 97%. Но грузы были ориентированы на армейские потребности, и снабжение населения товарами первой необходимости значительно ухудшилось. Негативное влияние войны ощутила на себе и обрабатывающая промышленность – происходил спад производства, закрытие предприятий, сокращалось число рабочих. В Приморской области – на 26% и 20%; в Амурской – на 18% и 20% соответственно. Несмотря на возросшие потребности в продовольствии, сокращение произошло даже в рыбодобывающей отрасли. Дальневосточный улов в 1916 г. снизился по сравнению с 1914 г. на 43%. Активизация деятельности произошла только на предприятиях, выполняющих военные заказы: Дальзаводе г. Владивостока, Хабаровском арсенале, военных мукомольнях, кожевенно-обувных, швейных предприятиях и т. п. [7].

Промышленность перед войной и в ее начале набирала темпы развития, что позволило, пусть в небольшой степени, улучшить качество жизни работающего населения. Однако деформация в развитии экономики в условиях войны вызывала кризисные явления, способствуя снижению жизненного уровня, что в целом усугубляло ситуацию и угрожало обострением социально-политической обстановки в регионе.

Концентрация капиталов в период империализма привела к усилению мощи крупной буржуазии. Сформировались целые кланы дальневосточных предпринимателей, контролировавших значительную долю производства и торговли. Среди крупнейших были фирмы благовещенских купцов А. В. Касьянова и И. Я. Чурина – «И. Я. Чурин и К^о», «А. В. Касьянов и К^о». В 1916 г. обе фирмы слились в торгово-промышленное товарищество «И. Я. Чурин и К^о – А. В. Касьянов и К^о», деятельность которого приобрела общероссийский масштаб. К разряду крупнейших предпринимателей принадлежали благовещенские купцы В. А. Левашов, владевший 35 паями золотодобывающей компании «Ельцов–Левашов»; В. М. Лукин и сыновья; Л. Ш. Скидельский («Торговый дом Скидельского»); Тетюковы. Громадные богатства и влияние сосредоточивали в своих руках П. В. Мордин, братья Полутины, Пьянковы («Торговый дом Я. Пьянкова»), Старцевы, Ю. И. Бринер, А. Г. Альберс («Торговый дом Кунста и Альберса»), А. В. Даттан, А. Демби и др. [8]. Они владели многомиллионными состояниями, в том числе заводами, рудниками, лесными концессиями, пароходами и другими предприятиями. Однако эти богатства не оказывали существенно-го влияния на уровень жизни в целом по региону.

Значительные перемены происходили на Дальнем Востоке в аграрной сфере. Столыпинская аграрная реформа положила начало третьему этапу колонизации, или переселения. Всего за годы реформы (1906–1916 гг.) в Сибирь и на Дальний Восток уехало 3,1 млн. чел. Однако к середине десятилетия не сумевшие укорениться (примерно 500 тыс. чел.) были вынуждены вернуться на прежние места [9]. За 1900–1903 гг. в Приморье переселилось 37,6 тыс. крестьян – больше, чем за предыдущее десятилетие. В Приамурье за 1907–1910 гг. прибыли 56,3 тыс. переселенцев. Право неограниченной покупки земли по очень низкой стоимости (3 рубля за десятину) привело к тому, что дальневосточное крестьянство стало собственником значительных земельных угодий. На рубеже веков в Приамурье в среднем на крестьянское хозяйство приходилось

90 десятин земли, в Приморье – более 60, в то время как в европейской части России в среднем на хозяйство – 11–12 десятин земли [10]. В последующие годы, несмотря на снижение числа переселяющихся, земледельческая колонизация Амурской области продолжала стабильно расти. У хозяйств Приамурья хватало средств не только на поддержание семейной жизни, но оставались излишки, которые можно было свободно реализовать. За 10 лет (1901–1911 гг.) среднегодовой излишек зерна составил 1 587 тыс. пудов [11]. Учитывая, что на Дальнем Востоке, как и в Сибири, не было помещичьего землевладения (земля находилась во владении государства или казачьих войск), оснований для форсированного развития капиталистических отношений в деревне было значительно больше, чем в европейской части страны. Расслоение сельского населения шло как за счет притока переселенцев, так и за счет «раскрестьянивания» старожилов деревни и казачества.

Для Дальнего Востока был характерен более высокий удельный вес среднего и зажиточного крестьянства. Так, в Амурской области в 1910 г. беднота среди старожилов составляла 32%, середняки – 26 и кулаки – 42 %. В Приморской области – соответственно 46,4; 24,6; 29%. Эволюция казачества не отличалась от эволюции крестьян-старожилов. Кулачество вырастало на основе эксплуатации не только старожильческой деревни и казачества, но и за счет крестьян-новоселов. К 1917 г. в целом по Дальнему Востоку крестьяне (поставлявшие продукцию на рынок и использовавшие наемный труд) – кулаки составляли 22% (по России – 10,7%), крестьяне-середняки – 43% (по России – 22%) [12].

Накануне революции 1917 г. на восточной окраине России сложился слой крупных сельских буржуа, имевших до 500 десятин земельных угодий, сотни и тысячи голов скота, большое количество наемных рабочих, американскую сельскохозяйственную технику, деловые связи с промышленными акционерными компаниями и военным ведомством. Их хозяйства поставляли на рынок зерно, мясо, картофель, лес, пушнину, шкуры животных и т. п. Наиболее известными дальневосточными сельскими предпринимателями были Янковские в Приморье; Брагины, Саяпины, Кантемировы в Приамурье. Скотовод Шестаков в Забайкалье имел 26 тыс. голов скота; казак Стрельников содержал на своих конных заводах более 2,5 тыс. лошадей и т. д. [13] Сословность, хотя и сохранялась юридически до февраля 1917 г., в действительности не играла решающей роли в процессе капиталистического развития на окраинах российской империи.

Концентрация средств производства и капиталов в руках сельской буржуазии, с одной стороны, и разорение мелких собственников, с другой, вели к поляризации дальневосточной деревни, нарастанию социального антагонизма между зажиточной верхушкой и беднотой, способствовало росту социально-политической активности населения. Вместе с тем, на Дальнем Востоке так называемый «горючий социальный материал» не составлял большинство населения в отличие от центральной России. Этими обстоятельствами объясняется менее активное и более позднее вовлечение в революционную деятельность населения региона.

Особенностью социально-экономического развития региона было активное формирование городского населения, которое с конца XIX в. шло более высокими темпами, чем сельское. К 1917 г. в крупнейших городах (Владивосток, Хабаровск, Чита, Благовещенск, Петропавловск, Сахалин) население составляло 220 тыс. 300 чел. (из 2 млн. чел.). В Приморье, например, в 1897г. горожане составляли 20,1% жителей, а в 1913 г. – 28% (в то время как в среднем по России соответствен-

но 13,4% и 17,9%). Еще одну демографическую особенность на Дальнем Востоке, как и на других колонизируемых окраинах, представляло неблагоприятное соотношение полов. По данным переписи 1897 г., доля женщин составляла в Приморье всего 28,4%, хотя в ходе заселения она менялась и к 1914 г. возросла до 38,9%.менялась и к 1914 г. возросла до 38,9% [14].

Массовые миграции из различных регионов предопределили многонациональный состав населения Дальнего Востока. Хотя численно в нем преобладали русские, значительную долю составляли украинцы, особенно в сельской местности, белорусы, поляки, татары. 5,1% составляли аборигенные народы.

В начале XX в. были предприняты меры по снижению роли «желтой» миграции. В результате удельный вес иностранцев (подавляющее большинство которых составляли китайцы и корейцы) снизился с 26,4% (1897 г.) до 17% (1913 г.) [15].

Несмотря на имеющиеся недостатки (местный бюрократизм, формальное отношение к нуждам переселенцев, недостаточное финансирование) переселенческая политика Столыпина имела прогрессивное значение. В 1907–1913 гг. темпы среднегодового прироста населения превышали 60 тыс. человек. Общая численность населения достигла 987,4 тыс. чел. (Самая большая в Приморской области – 619,2 тыс., на Сахалине – 10,4 тыс. чел.) Новоселы освоили миллионы десятин земли, построили тысячи сел, дав толчок развитию производительных сил Дальнего Востока. Однако переселенческая эпопея мало отразилась на положении крестьянства в центральных губерниях. Численность переселявшихся снижалась, возвращавшихся – увеличивалась, как увеличивался и естественный прирост населения в эти годы. И хотя активно шел процесс миграции из деревни в город, вопрос о малоземелье крестьян не решался существенным образом – ее по-прежнему не хватало.

Первая мировая война внесла существенные коррективы в развитие страны. На Дальнем Востоке резко снизился приток крестьян-переселенцев и рабочих-отходников. Если в 1914 г. прибыло 14,2 тыс. крестьян и казаков и 34,3 тыс. рабочих, то в 1915 г. – 2,5 тыс. и 5,7 тыс. соответственно. Начался отток российско-подданного населения, связанный с военной мобилизацией мужчин, отъездом в места постоянного проживания рабочих-отходников и их семей, передислокацией в западные районы воинских частей (за 1914–1916 гг. на военную службу в Приамурском военном округе было призвано 104 тыс. чел.). В связи с этими потерями рабочей силы был приостановлен закон от 21 июня 1910 г., ограничивавший иммиграцию из соседних азиатских стран – Китая и Кореи. В результате в 1916 г. на Дальнем Востоке числилось уже около 150 тыс. иностранцев (их доля в составе населения возросла до 14,8%) [16].

В тоже время усилился приток беженцев, вынужденных переселенцев из центральных районов – за время войны 6 тыс. чел. Военнопленных в декабре 1916 г. насчитывалось 21 тыс. чел. Общей чертой демографических процессов на Дальнем Востоке в этот период было резкое падение темпов роста населения. Но при этом сельское население сокращалось, а городское увеличивалось (даже по сравнению с европейской частью). Уровень урбанизации к 1917 г. достиг 32%, что усилило роль городов и городского населения в общественно-политической жизни Дальнего Востока [17]. Городское население, в силу повышенной мобильности, более высоких уровней квалификации и грамотности, концентрации производительных сил и интеллектуального сословия, принимало все более активное участие в общественно-политической жизни и, в то же время, в протестном движении за улучшение экономического положения и политические права для всех сословий.

Таким образом, в начале XX в. на российском Дальнем Востоке сложилась крайне противоречивая социально-экономическая ситуация. В неблагоприятных для страны условиях Первой мировой войны противоречия вылились в социально-политический взрыв гигантского масштаба. Изучение этих вопросов в процессе преподавания отечественной истории и истории российского Дальнего Востока как элективного курса помогает, на наш взгляд, решать не только познавательные задачи, но и формировать правильное мировоззрение, воспитывать необходимые патриотические чувства.

Ссылки на источники

1. История СССР, XIX – начало XX вв. – М.: Наука, 1981.
2. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1991. – 470 с.
3. Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917–апрель 1918 гг.). – Владивосток: Дальнаука, 1983. – 230 с.
4. История Сахалинской области. – Южно-Сахалинск: Дальневост. книжное изд-во, 1981.
5. Галлямова Л.И. Российское рабочее отходничество на Дальнем Востоке (1860–1917 гг.)// Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции. – Владивосток, 1996. – С. 24–25.
6. История Дальнего Востока СССР. Указ.соч.
- 7–8. История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. – Владивосток: Дальнаука. 2003. – 632 с.
9. История России с древнейших времен до конца XX века. – М.: АСТ, 1996.
10. Ковалева З.А., Плохих С.В. История Дальнего Востока России. – Владивосток: Тихоокеанский ин-т дистанционного образования и технологий ДВГУ, 2002.
11. Филиппов Н.И., Просвирнов С.Ю. Заселение и земельная колонизация Амурской области в дооктябрьский период// Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы межд. науч. конф. – Владивосток, 1996. – С. 26–30.
- 12–13. История Дальнего Востока СССР. Указ.соч.
- 14–15. Ковалева З.А., Плохих С.В. Указ.соч.
- 16–17. История Дальнего Востока России. Указ.соч.

Suprunova Elena,

Candidate of Science (History), Assistant Prof. at the Native History and Archivistics Department of the Far-Eastern Federal University, Vladivostok

elena.suprunova@mail.ru

Experience of studying the characteristics of socio-economic development of the Russian Far East in the context of modernization in teaching an elective course "History of the Russian Far East"

Abstract. The article considers the peculiarities of the Russian Far East's social and economic development in the early 20th century. Study of the said peculiarities within the limits of the native history course is quite essential due to forming of new social and economic relations and political system in the modern Russia while the Russian government pays close attention to the region most distant from the country's central regions. An opportunity to have impact on forming of correct scientific attitude in students is provided within the framework of the study process.

Keywords: Russia, early 20th century, Russian Far East, social and economic development, modernization, contradictions, revolution, limits course.

